

Наш еженедельник любит актера Даниэля Ольбрыхского за то, что он — актер Даниэль Ольбрыхский («ЭС» № 29). Специальный диплом с этой формулировкой коллектив «ЭС» и вручил ему в летние дни Московского кинофестиваля. А Ольбрыхский подарил нам свою книгу о Владими́ре Высоцком и дал согласие на публикацию отрывков из нее. Мы пообещали сделать это ко дню рождения Владими́ра Высоцкого.

Ему бы исполнилось 54 года.

Даниэль ОЛЬБРЫХСКИЙ

Поминая

Владими́ра Высоцкого

ИТАК, почему «Поминая»? Моя книжка своего рода поминки по мертвому другу. Человеку, с которым я дружил много лет, часто встречался, слушал его и любил. В сущности, я должен быть благодарен судьбе, позволившей мне стать актером, давшей мне шанс добиться кое-каких успехов, поехать по свету и познакомиться с необыкновенными людьми. Среди них фигурой, быть может, самой поразительной был Владимир Высоцкий.

Вторые поминки, сороковины, должны были состояться в Москве. Я обещал Марине, что приеду обязательно, где бы ни был. Второго сентября я был в Варшаве. В моей стране после подписания Гданьских Соглашений воцарилась лихорадочная атмосфера радости и тревоги: войдут, не войдут?..

А я собирался на одну ночь в Москву...

А КАК он пел? Когда Володя брал гитару в руки, то этот невысокий мужчина, обычно достаточно кроткий и тихий, вдруг преображался в какую-то взрывчатую смесь. Натяннутая струна, тетива лука, иступление до границ безумства, смерти. И этот голос! Казалось, что вот-вот лопнут голосовые связки, а у нас барабанные перепонки, что гитара воспламенится в его ладонях. Никто не мог устоять перед мощью его исполнения. Никто, даже те, кто понимал только по-китайски. Во всяком случае я не встречал исполнителя, который мог бы так покорить свою публику.

Иногда мы пели вместе, просто так, для удовольствия, зачастую балуясь при этом. Я делал это немного «под него». Хорошо, что не существуют магнитофонные записи этого пения, ибо это не для продажи. Публично я бы не осмелился изображать Высоцкого.

Столь сильно натянута струна дрожала только в его исполнении. Это привилегия самых выдающихся артистов: их судьба, счастье и, может быть, проклятие, которым расплачиваются за самую большую любовь.

Когда Володя пел драматические песни, он был сконцентрирован на гитаре. Склоненная голова, взгляд, прикованный к инструменту. Только порой он бросал короткие взгляды прямо перед собой, чуть вверх, отводя глаза от слушателей. Во время своих многочасовых — как правило — концертов Володя был сосредоточен на том, чтобы сохранить феноменальную гармонию между диафрагмой, горлом, руками и струнами гитары. Гитары, которая в его руках становилась чем-то необыкновенным и... громким.

Ты помнишь, Маринка, Володя как раз приехал из Москвы. Был вечер, мы сидели в твоей маленькой квартире на улице Дюрок. Я попросил его спеть что-нибудь новенькое. Он ударил по струнам и начал. Это было продолжение «Охоты на волков».

КОГДА фортиссимо в последнем куплете песни «Охота с вертолета» дошло до апогея, начали стучаться соседи. «Пожалуйста, выключите ваши пластинки!» — требовали они. А Марина пыталась объяснить им, что это не граммофон, что это муж, который только что приехал. Если бы это были русские, они попросили бы повторить. А французы, эх, что говорить...

Трудно удивляться, что Володя чувствовал: «там» не его место. А где оно было? Когда он возвращался «сюда», на Родину, его сразу же злило все, что он видел вокруг. Но это была скорее ярость. Он касался своей прекрасной и страшной земли, как Илья Муромец,

и набирался сил, чтобы творить свои самые величественные песни.

Обруганные соседями, мы вышли на улицы Парижа. Это действительно свободный город свободных людей. Мы усадились под каким-то забором и стали петь. И тогда Зузанна, заливаясь смехом, показала надпись на заборе: «Строительство запрещено» (в оригинале игра слов: «шантье» по-французски означает строить, «шанте» — петь. — Прим. переводчика М. Ч.). Володя уже знал немного французский, знал, что означает слово «шанте», застеснялся и замолчал. Как водится у русских: запрещено, значит, запрещено. Вероятно, он на мгновение поверил, что у этого забора французы запрещают петь.

Во Франции о Высоцком писали преимущественно как о муже Марины Влади и о французском Брассенсе. Я не слышал от Володи никаких комментариев. Наверно, он ценил этого поэта и певца, но, пожалуй, выше ставил музыкальное и исполнительское мастерство Шарля Азнавура.

В Гданьске во время съемок «Жестяного барабана» я узнал, что Марина и Володя приехали в Варшаву. Как обычно, они мчались из Москвы в Париж или наоборот, я уже не помню. Я не мог лично встретить моих друзей. В нашей маленькой квартирке на Инфлянцкой улице гостей принимала Зузя. А я в Гданьске как раз снимался в сценах с участием Азнавура. Я очень

(Окончание на 8—9-й стр.).

Экзп и савм. - 1992 - 30 янв. - 6 фев. 1992 - с 18-9